

Юлия Мариничева

Русские сказки о животных: система персонажей

В фольклористике сказке о животных уделялось и уделяется гораздо меньше внимания, нежели другим сказочным жанрам. Перечислим те направления, в которых велись исследования этого жанра.

Во-первых, сказка рассматривалась в рамках исследований животного эпоса. Термин «животный эпос» обычно употребляется в двух значениях. В самом широком смысле в это понятие входят все виды нарративов о животных (сказки, басни и т.д.). В узком значении «*животным* эпосом» может называться собственно эпос, прежде всего стихотворный, героями которого являются животные, как, например, старофранцузский «Роман о Лисе». Как правило, такие работы, особенно старые, не учитывают жанровой специфики нарративов, а обращаются к «корням» всех повествований о животных, строя гипотезы об их происхождении, обсуждая первичность мифа, басни или сказки и т.д. [Gubernatis 1872; Колмачевский 1882; Дашкевич 1904; Бобров 1909; Клиндер 1911].

Во-вторых, существуют работы, посвященные животной сказке с точки зрения ее жанровых особенностей (поэтика жанра, связь животной сказки с другими фольклорными жанрами) [Померанцева 1963; Бахтина 1972; Никифоров 2008а; 2008б].

Юлия Юрьевна Мариничева
Санкт-Петербургский
государственный университет
kot84@mail.ru

Наконец, ряд исследований (в основном отдельные статьи) посвящен анализу языка и ритмической организации сказок (в том числе сказок о животных) [Смирнов-Кутаческий 1927; Рошиану 1974; Федотов 1985].

Отсутствие исследовательского внимания к структуре животной сказки может объясняться тем, что она, на первый взгляд, кажется слишком простой и не требующей особого исследования. Возможно, по сходным причинам остается не вполне проясненной и проблема выделения сказки о животных как самостоятельного жанра.

Проблематичность, относительность выделения жанра сказок о животных отмечал уже В.Я. Пропп [1984: 300–303; 1989а: 28–69; 1989б: 173–194]. Так, некоторые сюжеты, в которых фигурируют животные, могут относиться и к жанру кумулятивных сказок (сказки о ледяной и лубяной хате, терем мухи и т.д.), и к жанру волшебных сказок («Волк и семеро козлят» и отчасти «Гуси-лебеди» — ср. ее разбор в «Морфологии сказки»). В.Я. Пропп признавал, что общая классификация сказок лишена единого основания: животная сказка выделена как самостоятельный жанр не по структуре (которая до сих пор не описана), а по действующим лицам, в отличие от кумулятивных и волшебных сказок, которые определяются по их структуре. Последний принцип для него более важен, поэтому он предпочитает многие типы (сюжеты), обычно относимые к сказке о животных, считать кумулятивными: «Много кумулятивных сказок помещено [в указателях — Ю.М.] в разряд сказок о животных, и наоборот: не все сказки, включенные в разряд кумулятивных, действительно к нему принадлежат» [Пропп 1984: 293].

Можно согласиться с тем, что эти сказки по структуре относятся к кумулятивным, но даже краткий обзор основных типов, приведенных в статье В.Я. Проппа показывает, как много среди них сказок с персонажами-животными. Однако подобное определение жанра может оставаться условным: во многих новеллистических сюжетах действующими лицами могут быть не животные, а люди («животные и человек взаимозаменяемы» [Там же: 237]). Сюжетный репертуар животных и бытовых (в том числе и анекдотической) сказок может быть в значительной мере одним и тем же. Тем не менее, согласно В.Я. Проппу, «сказки о животных представляют исторически сложившуюся цельную группу, и выделение их со всех точек зрения оправдано» [Пропп 1989а: 31].

Е.А. Костюхин также указывал на проблему выделения животной сказки как отдельного жанра. По его мнению, животный эпос кроме комических сказок включает и своеобразные

«волшебные» животные сказки (АТ 123 — «Волк и козлята»), и «новеллистические» животные сказки (АТ 160 — «Благодарные животные и неблагодарный человек»), и «озорные» сказки (АТ 152В* — «Озорной пахарь»), и анекдоты (АТ 126* — волк уносит козла, коза спрашивает, скоро ли тот вернется, козел отвечает, что не знает, но обед на него можно не готовить). Таким образом, в «фольклорный животный эпос» могут входить сказки, по своим сюжетам аналогичные бытовым, волшебным и анекдотам. Кроме того, «среди так называемых сказок о животных можно обнаружить немало преданий, бытовых рассказов, легенд <...> Один и тот же сюжет может оформляться по разным канонам. Даже такая популярная сказка, как “Старая хлеб-соль забывается” (АТ 155) может принять облик “охотничьего рассказа”, своего рода бывальщины» [Костюхин 1987: 77–78].

Спецификой животной сказки как самостоятельного и особого жанра много занимался А.И. Никифоров. В статьях, посвященных общим вопросам сказочных жанров, исследователь отмечает, что правильнее было бы говорить не столько об отдельных сказочных жанрах (кумулятивная или животная сказка), сколько о целых группах сказок. Никифоров выделяет две таких группы. К первой он относит жанры «натуральные», «естественные», ко второй — жанры «пародийные, т.е. пародии на натуральную сказку» [Никифоров 2008в: 29]. В первую группу жанров входят сказки драматические, т.е. имеющие в своей структуре элементы театральности («Колобок», «Теремок» и т.д.), сказки чисто кумулятивные, т.е. сказки с элементом нарастания («Коза с орехами», «Петушок подавился» и т.д.), сказки «игровые» («Сорока-белобока») и «басенные» сказки, т.е. с преобладанием животных персонажей и нравоучительным содержанием [Там же: 30]. Эта «детская» группа сказок значительна, и по наблюдениям Никифорова самими крестьянами выделяется в особую «робячью» сказку. Отметим, что в более поздней работе Никифоров рассматривает сказочные жанры преимущественно с точки зрения функций их рассказывания. В этом контексте функцией животных сказок оказывается развлекательная [Никифоров 2008а].

В процессе знакомства с фольклористической литературой о животной сказке, а также с предисловиями к сказочным сборникам неоднократно попадаются определения животной сказки как детской. Не случайно животные сказки становились предметом изучения не только фольклористов-сказковедов, но и специалистов в области детского фольклора. Для последних особенный интерес представляют этапы «взросления» ребенка и соответствующие этим этапам фольклорные жанры. Так, Г.С. Виноградов отмечает, что до «настоящих сказок»

(длинных волшебных) детям рассказывают «сказки маленькие», для которых характерны «близкий и количественно ограниченный круг действующих лиц, простота фабулы, примитивность построения, незамысловатость словаря, четкость синтаксиса и проч.» [Виноградов 1998: 17]. В область детского фольклора он включал лишь те произведения, которые исполнялись самими детьми: «Детский фольклор <...> это совокупность произведений, *исполнителями* и *слушателями*¹ которых являются сами дети» [Там же: 18]. Таким образом, Виноградов не относил к детскому фольклору ни колыбельные песни, ни сказки, которые рассказывались детям взрослыми (в том числе и сказки о животных). По Виноградову, критерием выделения детской сказки является только исполнение ее детьми.

Иной точки зрения придерживалась О.И. Капица: «Под детским фольклором мы понимаем как творчество взрослых для детей, так и детское традиционное творчество» [Капица 1928: 5]. Она также отмечает, что сказки о животных в первую очередь перешли в разряд «ребячьих», так как перестали интересовать взрослых [Там же: 161–162]. К этим «ребячьим» сказкам исследовательница относит сказки о животных и «элементарные» (кумулятивные) сказки. Главный их признак — простота содержания и высокохудожественная форма: «Повторения, кумулятивность, аллитерации, песенки, часто рифмованная речь, богатое словотворчество, стройность композиции и другие художественные приемы делают сказку привлекательной и легко запоминаемой детьми. Попробуйте пересказать “Репку”, “Колобок”, “Теремок” без всех этих приемов сказочного творчества, и сказка потеряет свое обаяние для детей» [Там же: 163]. Отметим, что Капица к «детям» относил детей не старше восьми лет, в отличие от А.И. Никифорова, для которого в эту категорию входили даже 14-летние подростки.

Э.С. Литвин отмечает, что формы взаимодействия между народным творчеством в целом и народным творчеством для детей всегда были сложными. Это взаимодействие проявлялось, в том числе, и в форме «постепенного отрыва целой группы произведений от репертуара взрослых и окончательного ее перехода во владение детей. Судьба русских сказок о животных является весьма убедительным примером подобного перехода» [Литвин 1968: 95]. По мнению Литвин, к концу XIX в. сказки о животных окончательно выпали из русского репертуара для взрослых, получили в народе название «дитячьих», «робячьих» и «стали достоянием тех исполнителей, творчество которых было неразрывно связано с запросами и интересами детей» [Там же].

¹ Курсив мой.

Однако единственным собирателем-фольклористом, который активно записывал сказки у детей, был А.И. Никифоров¹. Представим два отчета собирателей из Обзора работ Сказочной комиссии 1928 г.

1. М.Б. Едемский в 1927 г. собирал сказки на территории Мезенского уезда Архангельской губернии, в частности пытался записывать их от детей. Вот что он отмечает в своем отчете: «Оказалось, что дети сказок почти не рассказывают, хотя и слышали от старших <...> Ввиду того, что рассказчики [дети — Ю.М.] получали по леденцу, в следующие дни прибежали новые, с рассказами или сказками, вычитанными из книжки, или выслушанными наспех от, очевидно, наспех кой-как рассказывавших по их просьбе старших, сильно занятых в это время работами. У меня получилось такое впечатление, что в народной массе живут еще обрывки старых традиционных сказок, но рассказываются они редко, в виде, так сказать, исключения, что рассказывание сказок не пользуется в настоящий момент большой популярностью и что дети не очень-то увлечены сказкою» [Едемский 1928: 38].

2. А.И. Никифоров в том же году работал на территории той же Архангельской губернии, в соседнем Пинежском уезде. Большинство его информантов — дети в возрасте 6–14 лет. Причем от некоторых записано более трех сказок. Вывод Никифорова: «Распределение сказочников по полам и возрастам показывает, что и в Пинежье, как и в Заонежье, сказка живет интенсивной и нормальной жизнью» [Никифоров 1928: 41].

Разумеется, трудно говорить о причинах двух противоположных наблюдений. Возможно, сказочный репертуар сильно отличался в разных уездах. Возможно, Никифоров был более талантливым собирателем, и работать с детьми ему было легче. Кроме того, от мальчиков Никифоров записывал и сказки с эротическим содержанием (заветные сказки), часть которых также можно отнести к жанру животной сказки.

Одновременно с А.И. Никифоровым (в 1926–1929 гг.) на той же территории записывала сказки И.В. Карнаухова. В ее сборнике «Сказки и предания Северного края» [Карнаухова 1934] есть сведения о 15 детях-сказочниках.

Из современных работ можно отметить сборник И.А. Разумовой «Дети-сказочники» [Разумова 1995], в котором помимо нескольких текстов из сборников Карнауховой и Никифорова

---

¹ Всего в период своих экспедиций на Русский Север (1926–1928 гг.) Никифоров записал 50 вариантов сказок о животных, из которых 14 (28 %) записано от взрослых и 36 (72 %) от детей. «Сказка о животных бытует на Севере главным образом в среде детей от 9 до 14 лет и стариков 50 лет и старше» [Никифоров 2008г: 227].

есть экспедиционные записи самой Разумовой. В предисловии к сборнику исследовательница отмечает, что среди детей-сказочников есть как исполнители с разнообразным репертуаром, так и отдающие предпочтение одному жанру. При этом репертуар, манера исполнения зависят от возраста, характера, грамотности, семейных традиций и даже уровня общения со сверстниками [Разумова 1995: 4–14]¹.

Однако очевидно, что в основном собиратели работали со взрослыми сказочниками и сказки о животных записывались преимущественно от них.

Немногочисленные записи (по сравнению с другими сказочными жанрами) сказок о животных в сборниках разного времени (особенно в ранних), на наш взгляд, следует объяснять не «вымиранием» жанра, а его непрестижностью. В пользу этой точки зрения можно привести следующее наблюдение Никифорова: «Были случаи, когда сказочник, передав мне весь репертуар, затруднялся припомнить сам еще “сказки”. Но стоило напомнить сказочнику про “робячью сказку”, как у исполнителя их оказывалось в запасе несколько» [Никифоров 2008б: 61–62]. Таким образом, сами сказочники предпочитали в первую очередь рассказывать собирателям волшебные и бытовые сказки.

В целом, можно заключить, что сказки о животных мало интересовали как исследователей, так и собирателей. И это отношение представляется нам несправедливым. Жанр сказок о животных интересен во многих отношениях: и персонажи этих сказок, и структура самих текстов нуждаются в более тщательном изучении и применении иных научных принципов для их описания.

В первую очередь обратимся к персонажам сказок о животных. В немногочисленных работах о животной сказке, а еще чаще в предисловиях к сказочным сборникам, можно прочесть, что животные персонажи — это человеческие характеры, а животная сказка описывает конфликты между людьми и даже между социальными классами. Так, например, исследовательница Н.М. Ведерникова считает, что «мир зверей» есть форма выражения мыслей и чувств человека, его взглядов на жизнь:

¹ Вопрос о грамотности детей-сказочников хорошо иллюстрируется примером из архива Никифорова, опубликованным В.Я. Проппом. По мнению Проппа, именно Никифоров первым стал записывать все, что рассказывалось информантами (независимо от степени искажения, когда речь шла о литературных сказках). Таким образом, им было записано почти 700 текстов самого разного содержания. Особенно интересным оказалось то, что и дети, и взрослые рассказывали сказки, вошедшие в «Детские и домашние сказки» братьев Гримм. При этом сказочники не подозревали, что эти сказки литературного происхождения и считали их своими, местными [Пропп 2002: 138; 141–148].

«[Г]оворящие животные, рассуждающие и ведущие себя, как люди, становятся поэтической условностью» [Ведерникова 1975: 71]. Таким образом, в сказках о животных речь идет не о животном и не о сказочном, а о человеческом мире.

Подобные замечания относительно связи животных персонажей и реальности жизни людей справедливы лишь отчасти и не исчерпывают проблемы понимания смысла животных сказок. Исследуя феномен ряженья, Л. Ивлева отмечала, что «в большинстве случаев ряженье предстает как система, единство, которое определяется не столько сюжетом, сколько кругом персонажей» [Ивлева 1994: 213]. При этом каждое действующее лицо значимо не само по себе, а лишь в контексте полного круга персонажей [Там же: 216]. И, наконец, еще одно важное для нас замечание: «[О]но [ряженье — Ю.М.] — не просто подражание жизни либо элементарное ее отражение, но, прежде всего, воплощение определенных представлений о мире» [Там же: 228]. Все эти три положения кажутся нам справедливыми в отношении жанра животной сказки. Именно поэтому мы предлагаем описывать не мир животной сказки, но ее персонажей и отношения между ними, так как эти отношения есть проекция человеческих отношений, а не отражение и не подражание им.

В своей работе «Психология искусства» (в главе посвященной анализу басни) Л.С. Выготский задается вопросами, «почему басня имеет дело предпочтительно с животными, вводя иногда неодушевленные предметы и очень редко прибегая к людям. Какой смысл заключается в этом?» [Выготский 1986: 123]. Выготский подчеркивает, что причина обращения к животным в басне в том, что каждое животное представляет заранее известный способ действия, поступка, оно есть в первую очередь действующее лицо — но не в силу своего характера, а в «силу общих свойств своей жизни». Эту точку зрения он иллюстрирует, рассматривая басню «Лебедь, рак и щука». Можно задать вопросом, какой характер у этих трех героев, почему автор басни выбрал именно их для одного сюжета и какие человеческие характеры они могут иллюстрировать? Для Выготского очевидно, что никаких черт характера у этих героев нет, а выбранные они вместе исключительно для олицетворения действий и той невозможности действия, которая возникает при их совместных усилиях: «[В]сякий знает, что лебедь летает, рак пьется, а щука плавает» [Там же: 134]. Таким образом, животные в сказке становятся своего рода персонификацией действий и поступков, или — выражаясь современным языком — персонификацией стратегий поведения.

Эти замечания Л.С. Выготского относительно животных персонажей в басне представляются нам наиболее продуктивным

подходом для описания жанра сказок о животных. В этом случае сам процесс рассказывания и слушания животной сказки и есть процесс узнавания и обучения определенным стратегиям поведения. Иными словами, животные в русских сказках о животных являются не только персонажами, но и вполне определенными стратегиями поведения, носящими имя лисы, волка и т.д. В пользу этого утверждения говорит тот факт, что в реальной речи вполне конкретные человеческие действия и поступки называются именами животных. Таковы, например, значения слова *лиса* и его производных. В «Словаре» В.И. Даля имеется несколько вариантов ее именования. Само слово *лиса* может выступать как прозвище человека: ЛИСА, лисица, ж. лис, м. *лиска*, *лисичка*, *лисочка*, *лисанька*, хвостуха <...> *Лиса*, лукавый, хитрый человек, пролаз, пронира; корыстный льстец [Даль 1881: 254]. В этимологическом словаре М. Фасмера есть глагол *лисить* 'льстить' и прилагательное *лисоватый* 'хитрый, лукавый' [Фасмер 1996: 500].

Итак, мы исходим из того, что животные в сказке о животных не просто персонажи, но определенные стратегии поведения. Тогда возникает вопрос, о каких стратегиях поведения может идти речь и какие животные персонажи им соответствуют?

Анализ сказок о животных показал, что в основе их лежит одно действие — обман и реакция на него. Исходя из этого положения, мы можем разделить всех персонажей на тех, которые обманывают, и на тех, которые становятся жертвой этого обмана. Такое разделение представляется возможным, но слишком широким, так как в этом случае мы должны исходить из того, что обманщик и жертва — это две универсальные роли, которые только и могут выполнять персонажи. Однако, совершая обман, персонажи пользуются разными стратегиями поведения: кто-то предпочитает угрожать, кто-то симулировать слабость и т.д. Чтобы проиллюстрировать этот тезис, мы обратились к работе Е.М. Мелетинского, в которой исследователь рассматривает трикстерские трюки в мифах о вороне и перечисляет основные предикаты, на которых эти трюки строятся [Мелетинский 1979: 123]¹. Поверим, актуальны ли эти предикаты для русских сказок о животных.

Мнимая угроза: лиса угрожает дятлу (СУС 248А*); петух и др. животные угрожают козе или лисе, что расправятся с ними (СУС 43; СУС 212); медведь угрожает съесть человека (СУС 154).

¹ Этими наблюдениями пользуется и Е.С. Новик, анализируя структуру сказочного трюка [Новик 1993: 140–141].

Мнимая приманка: Лиса предлагает петушку выглянуть на улицу, где рассыпано зерно (СУС); петух поет хвалебную песню лисе и ее детям у входа в нору и выманивает их по очереди.

Коварный совет: лиса предлагает волку или медведю съесть собственные внутренности (СУС 20А или СУС 21); лиса предлагает волку опустить хвост в прорубь и наловить рыбы (СУС 2); баран или козел предлагают волку разинуть пасть пошире, чтобы прыгнуть туда (СУС 21); лиса попадает в яму, говорит проходящему мимо козлу, что в яме ее прохладно и хорошо и предлагает прыгнуть к ней. Козел прыгает — лиса забирается на него и выбирается из ямы (СУС 31).

Мнимая смерть: лиса притворяется мертвой (СУС 1) и съедает всю рыбу.

Таким образом, большинство трикстерских предикатов, выделенных Мелетинским при анализе палеоазиатского мифа о Вороне, характерны и для русской животной сказки. Причем совершать трюки, в основе которых лежат перечисленные предикаты, способен не один персонаж (лиса), но многие. Кроме того один и тот же персонаж в разных сказках или даже в пределах одной, но во взаимодействии с разными персонажами, может становиться как жертвой, так и победителем. Иными словами, один и тот же персонаж может разыгрывать разные роли. Следовательно, роли обманщика и жертвы обмана — это факты другого уровня, чем парадигматические отношения персонажей животной сказки, эти роли относятся к чисто сюжетному («синтагматическому») уровню.

Другим принципом классификации животных персонажей может быть их деление на классы, т.е. принцип семантический. Например, можно выделить группы домашних животных, диких животных и отдельно птиц. Такова классификация в указателях сюжетов (Аарне-Томпсона, СУС и др.). Необходимо учитывать, однако, что поведение персонажей далеко не всегда обусловлено их принадлежностью к одной из перечисленных групп. Так, домашние птицы обычно слабые существа, которые боятся хищников. Однако петух может выступать не только как жертва лисы, но и как ее победитель.

Мы предлагаем иной принцип, в основу которого положены свойства самих сказочных текстов. Представляется удобным делить животных персонажей на две основные группы по частотности их появления в сказках: «главные» (заяц, лиса, медведь, волк и петух) и «второстепенные» (остальные персонажи). «Главные» персонажи наиболее часто встречаются в сказочных текстах и являются персонажами большинства

сюжетов. Частотность «присутствия» персонажей в русских сказках о животных представлена в следующей таблице:

персонаж	число тестов, в которых фигурирует персонаж	общее число анализируемых текстов
лиса	172 (ок. 50 %)	350
волк	149 (42 %)	350
медведь	97 (28 %)	350
заяц	89 (25 %)	350
петух	66 (19 %)	350

Если вернуться к тому положению, что животные сказки представляют/описывают существующие стратегии поведения и эти стратегии поведения воплощены в самих персонажах и их действиях, то оказывается, что мы имеем дело с пятью основными моделями поведения, соответствующими каждому персонажу. Самой частотной (мы предполагаем, что и самой важной среди них) оказывается *лисья модель*.

При внимательном знакомстве с текстами сказок о животных оказывается, что они обладают своей спецификой и заслуживают исследовательского внимания. Эта их специфика проявляется в первую очередь на уровне персонажей.

Следует отметить одно важное свойство персонажей животной сказки: они разговаривают друг с другом. Любая животная сказка состоит прежде всего из диалогов между ее персонажами. И это их свойство — умение разговаривать — входит в пресуппозицию сказки, а не является чудесным или волшебным атрибутом, как это происходит в волшебной сказке, которая обычно специально поясняет, что животное говорит «человечьим голосом». Кроме того животная сказка обладает системой именовании (нарицательных и собственных имен) и обращений для каждого персонажа. Сам сказочник четко разделяет именовании животных персонажей в плане повествования (в «своей собственной» речи) и в диалоге (в речи персонажей). Для сказочника важно, кто кого и как называет из персонажей. Таким образом, персонажи получают свои характеристики и прозвища в коммуникативном взаимодействии друг с другом, а не тогда, когда их впервые упоминает сказочник (именно поэтому рассказчик именуется персонажей почти всегда нейтрально: *лиса, волк, медведь* и т.д.). Причем получают они характеристики не просто в ходе сюжета, но именно в диалоге, в прямой речи, т.е. от других персонажей. При таком подходе необходим соответствующий способ описания и анализа сказочного материала.

Предлагаемый способ — в виде базы данных — был разработан в процессе исследования, посвященного именованию и обращениям в русских сказках о животных. База данных создавалась для учета всех зафиксированных в опубликованных сборниках случаев именовании персонажей в сказочных текстах. Материалом стали тексты сказок о животных из сборников XVIII—XX вв. Сначала были просмотрены все сборники русских сказок о животных, которые указаны в «Сравнительном указателе сюжетов» [1979] в соответствующем разделе «Сказки о животных» (№ 1—299). Для поиска сборников более позднего времени (включая современные сборники 90-х гг. XX в.) использовался библиографический указатель «Русский фольклор» [1961; 1966; 1967; 1981; 1984—1985; 1987; 1990; 1993; 1996; 2001] и каталоги Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). В базу не помещены те сборники, которые состоят только из перепечаток уже опубликованных сказок. Таким образом, в настоящий момент в базу введены сведения из следующих сборников:

1. Авдеева К. Русские сказки для детей. СПб., 1860.
2. Азадовский М.К. Сказки из разных мест Сибири. Иркутск, 1928.
3. Азадовский М., Элиасов Л. Сказки Магая. Л., 1940.
4. Азбелев С.Н., Мещерский Н.А. Фольклор Русского Устья. М., 1986.
5. Акимова Т.М., Степанов П.Д. Сказки Саратовской области. Саратов, 1937.
6. Балашов Д.М. Сказки Терского берега Белого моря. Л., 1970.
7. Власова М.Н., Жекулина В.И. Традиционный фольклор Новгородской области. Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры (по записям 1963—1999 гг.). СПб., 2001.
8. Гончарова А.В. «Золотые горы». Сказки, предания, мемуарные рассказы Тверского края. Тверь, 1999.
9. Гончарова А.В. «Золотые зерна». Сказки, легенды, предания, мемуарные рассказы Тверского края. Тверь, 1995.
10. Дети-сказочники / Сост. И.А. Разумова. Петрозаводск, 1995.
11. Дранникова Н.В. Архангельские сказки. Архангельск, 2002.
12. Зеленин Д.К. Великорусские сказки Пермской губернии. СПб., 2002 [Пг., 1914].
13. Зеленин Д.К. Великорусские сказки Вятской губернии. СПб., 1997 [Пг., 1915].

14. Карнаухова И.В. Сказки и предания Северного края. СПб., 2006 [М.; Л., 1934].
15. Коренная П. Заонежские сказки. Петрозаводск, 1918.
16. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1957. Т. 1.
17. Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки собранные и обработанные А.Н. Афанасьевым. М., 1997.
18. Народные сказки, собранные сельскими учителями. Издание А.А. Эрленвейна. М., 1863.
19. Науменко Г. Русские народные сказки, скороговорки и загадки с напевами. М., 1977.
20. Нечаева А.Н. Сказки М.М. Коргуева. Петрозаводск, 1939. Кн. 1–2.
21. Никифоров А.И. Севернорусские сказки. М.; Л., 1961.
22. Новикова Н.В. Сказки Ф.П. Господарева. Петрозаводск, 1941.
23. Ончуков Н.Е. Северные сказки. СПб., 2006 [СПб., 1908].
24. Померанцева Э.В. Русские народные сказки. М., 1957.
25. Предания и сказки Горьковской области. Горький, 1961.
26. Рождественская Н.И. Сказы и сказки Беломорья и Пинежья. Архангельск, 1941.
27. Русские народные сказки Пудожского края. Петрозаводск, 1982.
28. Русские народные сказки Урала. Свердловск, 1959.
29. Русские сказки Забайкалья. Иркутск, 1983.
30. Русские народные сказки, прибаутки и побасенки Е.А. Чудинского. М., 1864.
31. Русские сказки и песни в Сибири. Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского РГО по этнографии. СПб., 2003 [СПб., 1902–1906].
32. Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: волшебные и о животных. Новосибирск, 1993.
33. Садовников Д.Н. Сказки и предания Самарского края. М., 2003 [СПб., 1884].
34. Сказки Красноярского края. Сборник М.В. Красноженовой. Л., 1937.
35. Сказки Куприянихи. СПб., 2007 [Воронеж, 1937].

36. Сказки и несказочная проза. М., 1998.
37. Сказки Псковской области. Псков, 2004.
38. Сказки северные народные. Архангельск, 1934.
39. Сказки Смоленского края. Смоленск, 1952.
40. Смирнов А.М. Великорусские сказки архива РГО. СПб., 2006 [СПб., 1917].
41. Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края. СПб., 1999 [СПб., 1915].
42. Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок. СПб., 2003 [М., 1795]. Ч. 1–3.

Созданная база данных публикуется в приложении к данной статье в формате Access и может быть использована после сохранения на персональном компьютере. Изначально она была ориентирована на конкретную исследовательскую задачу: статистический учет существующих в русских сказках о животных именовании персонажей. Так, например, если мы хотим посмотреть, какие персонажи обращаются в сказках к лисе, база данных выдает интересующую нас информацию по всем сюжетам и сборникам. Если же мы хотим посмотреть, каким образом определенный сказочник именует ту же лису, то база данных покажет все именовании лисы, употребленные этим сказочником, во всех рассказанных им сказках. Однако в ходе разработки базы данных в нее вошло много общих сведений о животных сказках, и поэтому она может быть использована для разнообразных разысканий в области этого сказочного жанра. При этом, база данных является одновременно попыткой анализа структуры жанра животной сказки (благодаря этому ресурсу, мы можем посмотреть в частности то, каким образом персонажи взаимодействуют друг с другом и каково значение «сказочной речи» в сказках о животных) и инструментом для анализа сказочного текста.

База данных строится на тех основных параметрах, которые мы выделили в текстах сказок о животных. Эти параметры — план диалога (обращения), план диалога (именования, т.е. упоминание участниками диалога других персонажей сказки) и план повествования (именование персонажей сказочником-нарратором) — характеризуют сказочную речь. Таким образом, с помощью базы данных мы можем описать структуру и специфику жанра сказок о животных на уровне персонажей. Эта на первый взгляд частная задача оказывается важной для исследователей сказочного жанра — после работы Е.А. Костюхина «Типы и формы животного эпоса» [Костюхин 1987], в которой жанр животной сказки рассматривается в историко-типологическом

контексте, в русской фольклористике не было специальных исследований, посвященных животной сказки, ее поэтике или структуре.

В базу введены сведения обо всех сказках о животных, которые нам удалось найти в печатных изданиях (в настоящее время учтены практически все выходявшие в России сборники сказок — те, в которых имеются сказки о животных, благодаря чему мы можем проследить динамику (или ее отсутствие) в использовании именовании персонажей у сказочников XIX в. и более позднего времени)¹. Для каждого сказочного текста (всего их 350) учитывается его название в цитируемом источнике, персонажи сказок, место и время записи (в тех случаях, если такая информация есть в сборнике). Исследователям, интересующимся текстами русских сказок о животных, теперь нет необходимости обязательно обращаться к СУС (тем более что после СУС выходило уже немало сборников, в которых встречаются сказки о животных) и/или просматривать все сборники сказок подряд. Введенный в базу сказочный материал позволяет найти ссылку на нужные сборники.

Отдельным достоинством базы мы считаем то, что в нее введены сведения обо всех сказочниках, о которых есть какая-либо информация в сказочных сборниках. Таким образом, исследователь может обратиться и к репертуару сказочников: база данных позволяет не только анализировать именовании на уровне персонажей, но и выявлять специфику исполнения сказки у разных сказочников.

База данных предоставляет возможность быстро находить все варианты реализации любого заданного параметра по всему корпусу анализируемых сказочных текстов. Одним из главных ее преимуществ является простота в использовании. Выделив интересующий параметр (это может быть персонаж, конкретное именование, сборник, сказочник и т.д.) и сделав соответствующий запрос в базе, исследователь быстро получит полную информацию по своему запросу.

Каждому из трех выделенных нами планов соответствует отдельная таблица, в которую введены следующие более частные параметры.

Таблица персонажей в плане диалога во 2-м лице (обращения) включает:

- номер записи варианта в базе данных;
- номер сказочного текста в сборнике и номер сюжета СУС;

¹ Дальнейшей задачей может быть учет отдельных публикаций сказок в периодике, научных журналах и архивах.

- персонажи — участники коммуникации;
- тип коммуникации;
- адресант;
- форма именованя;
- адресат;
- количество употреблений каждого слова-обращения в пределах одного варианта.

Таблица именованй персонажей в плане диалога в 3-м лице включает:

- номер записи варианта в базе данных;
- номер сказочного текста в сборнике и номер сюжета СУС;
- кто (адресант и адресат);
- о ком (3-е лицо);
- форма именованя.

Таблица учета именованй в плане повествования включает:

- номер записи варианта в базе данных;
- номер сказочного текста в сборнике и номер сюжета СУС;
- персонажи сказки;
- именованя персонажей.

Сравнение именованй в разных планах сказочной речи позволило обнаружить интересные факты. Рассмотрим один случай. В толковом словаре В.И. Даля в соответствующих словарных статьях перечислены именованя некоторых животных. Приведем следующий пример:

МЕДВЕДЬ м, <...> этому дано много бранных и почетных кличек: бирюк (чаще зовут так волка), <...> зверь, черный зверь, лапистый зверь, лесник, раменский, урманый (татр.), ломака, костоправ, Михайло Иванович Топтыгин, косолапый, куций, куцык, косматый, космач, мохнатый, мохнач, лешак, леший, лесной черт¹, черная немочь; мишка, мишук, потапыч, сергацкий барин, лесной архимантрит, сморгонский студент (в Серчаге и Сморгонах обучали медведей) [Даль 1881: 311].

Однако в анализируемых сказках практически ни одного из этих именованй мы не встречаем. Из всех сказочных именованй со списком Даля совпадают только *мишка* и собственно *медведь*. При этом любопытно, что в сказках XX в. медведь не обладает таким разнообразным репертуаром именованй, как в сказках XIX в. Привычное для нас *Михайло Потапович* в диалогах между главными животными персонажами вообще не

---

¹ Медведя в животной сказке не именуют чертом, в отличие от волка, которого лиса называет *черт остроносый*, или от зайца, которого она же называет *косой черт*. Любопытно, что в сюжете «Вершки и корешки» (СУС 1034) медведь может чередоваться с чертом в роли противника героя (мужика).

встречается. Только в одном сказочном варианте название медведя родственно знакомому нам имени Топтыгин (зафиксированному словарем Даля и стихами Некрасовым). Это именование встретилось в сборнике детских сказок Ваненко: «[Е]дет Мужичек навстречу *тантыге* мохнотому» [Ваненко 1847: 47]. Таким образом, вопрос о том, почему в нашем сознании медведь оказывается Потаповичем или Топтыгиным, остается открытым. Можно только сказать, что известные нам сказки о животных здесь ни при чем.

Созданная база данных является на сегодняшний день единственной попыткой систематизировать материал по сказкам о животных. Мы исходили из того, что жанр животной сказки обладает своей системой именовании (нарицательных и собственных имен) и обращений для каждого персонажа. Благодаря базе данных мы имеем полный список персонажей, которые встречаются в русских сказках о животных, а также полный корпус их именовании и обращений.

Библиография

- Бахтина В.А.* Эстетическая функция сказочной фантастики. Наблюдения над русской народной сказкой о животных. Саратов.: Изд-во Саратовского ун-та, 1972.
- Бобров В.А.* Русские народные сказки о животных. Исследование. Варшава: Тип. Варшавского учеб. округа, 1909. (Русский филологический вестник. Отдельный оттиск).
- Ваненко И.* [Башмаков И.И.] Народные русские сказки и побаски, для детей меньшого возраста. М.: Д. Трегубов, 1847.
- Ведерникова Н.М.* Русская народная сказка. М.: Наука, 1975.
- Виноградов Г.С.* Народная педагогика // Виноградов Г.С. «Страна детей». Избранные труды по этнографии детства. СПб.: Анатолія, 1998. С. 77–103.
- Выготский Л.С.* Психология искусства. 3-е изд. М.: Искусство, 1986.
- Даль В.* Толковый словарь.: В 4 т. 2-е изд. СПб.; М.: М.О. Вольф, 1880–1882. Т. 2: И–О. 1881.
- Дашкевич Н.П.* Вопрос о происхождении и развитии эпоса о животных по исследованиям последнего тридцатилетия. Киев: Киевские университетские Известия, 1904.
- Едемский М.Б.* Сказки на севере (Из наблюдений и записей в 1927 г.) // Сказочная комиссия в 1927 г. Обзор работ / Под ред. С.Ф. Ольденбурга. Л.: Гос. русское географич. о-во, тип. 1-й Ленингр. артели печатников, 1928. С. 35–47.
- Ивлева Л.М.* Ряженые в традиционной русской культуре. СПб.: Рос. ин-т истории искусств, 1994.
- Капица И.О.* Детский фольклор. Песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Изучение. Собираение. Обзор материала. Л.: Прибой; тип. «Печатный двор» Гос. изд-ва, 1928.

- [Карнаухова И.В.] Сказки и предания Северного края / Запись, вступ. ст. и коммент. И.В. Карнауховой; Предисл. Ю.М. Соколова. М.; Л.: Academia, тип. «Печатный двор»; тип. «Ленингр. правды», 1934.
- Клинггер В.П. Животное в античном и современном суеверии. Киев: Тип. Имп. ун-та св. Владимира Акц. о-ва печат. и издат. дела Н.Т. Корчак-Новицкого, 1911.
- Колмачевский Л.З. Животный эпос на Западе и у славян. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1882.
- Костюхин Е.А. Типы и формы животного эпоса. М.: Наука, 1987.
- Литвин Э.С. К вопросу о детском фольклоре // Русский фольклор: Материалы и исследования: М.; Л.: Наука, 1958. С. 93–102.
- Мелетинский Е.М. Палеазиатский мифологический эпос: Цикл Ворона. М.: Наука, 1979.
- Никифоров А.И. Жанры русской сказки // Никифоров А.И. Сказка и сказочник: Сб. статей / Науч. ред. А.С. Архипова. М.: ОГИ, 2008а. С. 70–104.
- Никифоров А.И. Народная детская сказка драматического жанра // Никифоров А.И. Сказка и сказочник: Сб. статей / Науч. ред. А.С. Архипова. М.: ОГИ, 2008б. С. 104–122.
- Никифоров А.И. Сказка, ее бытование и носители // Никифоров А.И. Сказка и сказочник: Сб. статей / Науч. ред. А.С. Архипова. М.: ОГИ, 2008в. С. 20–70.
- Никифоров А.И. Социально-экономический облик севернорусской сказки 1926–1928 годов // Никифоров А.И. Сказка и сказочник: Сб. статей / Науч. ред. А.С. Архипова. М.: ОГИ, 2008г. С. 226–245.
- Никифоров А.И. Сказочные материалы Пинежья, собранные в 1927 г. // Сказочная комиссия в 1927 г. Обзор работ / Под ред. С.Ф. Ольденбурга. Л.: Гос. русское географич. о-во, тип. 1-й Ленингр. артели печатников, 1928. С. 11–22.
- Новик Е.С. Структура сказочного трюка // От мифа к литературе: Сб. статей в честь семидесятилетия Е.М. Мелетинского / Сост. С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик. М.: Российский университет, 1993. С. 139–153.
- Померанцева Э.В. Русская народная сказка. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Пропп В.Я. Жанровый состав русского фольклора // Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М.: Лабиринт, 1989а. С. 28–69.
- Пропп В.Я. Принципы классификации фольклорных жанров // Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М.: Лабиринт, 1989б. С. 173–184.
- Пропп В.Я. Русская сказка. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984.
- Пропп В.Я. Сказки братьев Гримм на русском севере // Пропп В.Я. Фольклор. Литература. История. М.: Лабиринт, 2002. С. 137–145.
- [Разумова И.А.] Дети-сказочники / Сост. И.А. Разумова. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1995.

- Рошияну Н.* Традиционные формулы сказки. М.: Наука, 1974.
- Русский фольклор: Библиогр. указ. (1800–1855). СПб.: Дмитрий Буланин, 1996.
- Русский фольклор: Библиогр. указ. (1881–1900). Л.: БАН, 1990.
- Русский фольклор: Библиогр. указ. (1901–1916). Л.: БАН, 1981.
- Русский фольклор: Библиогр. указ. (1917–1944). Л.: БАН, 1966.
- Русский фольклор: Библиогр. указ. (1945–1959). Л.: БАН, 1961.
- Русский фольклор: Библиогр. указ. (1960–1965). Л.: БАН, 1967.
- Русский фольклор: Библиогр. указ. (1966–1975): В 2 ч. Л.: БАН, 1984–1985.
- Русский фольклор: Библиогр. указ. (1976–1980). Л.: БАН, 1987.
- Русский фольклор: Библиогр. указ. (1981–1985). СПб.: БАН, 1993.
- Русский фольклор: Библиогр. указ. (1991–1995). СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.
- Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л.: Наука, 1979.
- Смирнов-Кутаческий А.М.* Творчество слова в народной сказке // Художественный фольклор [Журнал]. М.: ГАХН, 1927. Вып. 2/3. С. 71–79.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. 3-е изд. СПб.: Азбука; М.: Терра, 1996. Т. 2.
- Федотов О.И.* Эмбриональные элементы стиха в русской народной сказке: Сб. статей // Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития: Сб. статей / Отв. ред. Л.И. Тимофеев. М.: Наука, 1985. С. 179–188.
- Gubernatis A. de.* Zoological Mythology, or The Legends of Animals. L.: Trübner & Co., 1872. Vol. 1–2.